

- ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 54.
Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997.
Общество и революция: Калужская губерния в 1917 году. Сборник документов / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 1999.
Оськин Д.П. Записки прапорщика. М., 1998.
Съезды и конференции к.-д. партии. М., 2000. Т.3. Кн.1.
Шмелев И.С. Собр. соч.: В 5 т. Т.1. М., 1998.

Начало Первой мировой войны в освещении провинциальной церковной публицистики *На материале «Епархиальных ведомостей»*

Вступление Российской империи в Первую мировую войну поставило в число первоочередных национальных задач необходимость адекватного информационного освещения происходивших событий и, как следствие, формирования патриотического сознания. В России в начале XX в. эту задачу решала периодическая печать, представленная большим количеством центральных и региональных изданий.

Еще одним традиционным информационным каналом, связующим власть и общество в дореволюционной России, продолжала оставаться Русская православная церковь, в первую очередь в лице приходского духовенства. Задачи мобилизации общества во время национальных бедствий решались этим духовенством с помощью проповеди. В условиях военного времени значение проповеди актуализировалось благодаря такой особенности этого жанра церковной публицистики, как способность охвата в качестве слушателей практически всего православного населения страны.

К началу XX в. в гомилетике сложился особый вид проповеди, «отвечающей на вопросы современности, и исходною точкою для себя поставляющей воззрения современного человека», – публицистическая проповедь [Певницкий В.Ф., 1906, с. 103]. Используя уникальные возможности данного вида проповеди, православное духовенство и осуществляло информирование прихожан, которое способствовало образованию у последних адекватного, т. е. отвечающего правительственной политике, понимания происходящих эпохальных внешнеполитических событий в связи с вступлением России в Первую мировую войну.

Проповеди являлись формой публичного устного обращения священника к мирянам и произносились, как правило, в храме либо в том месте, где провожали уходящих на войну мобилизованных. Однако с начала войны сложилась практика публикации текстов проповедей в «Епархиальных ведомостях». Причем в каждом случае указывалась дата и место публичного произнесения публикуемой проповеди. Как правило, их размещали во второй – неофициальной – части издания.

Распоряжением Синода от 20 июля 1914 г. православному духовенству было предписано «в своих поучениях располагать свою паству к содействию всеми мерами и способами успеху войны и облегчению участи, так или иначе от нея потерявших», а также «призвать всех православных людей... оставить взаимные несогласия, ссоры, распри и обиды, крепкою стеною сплотиться у царского престола». Далее было сделано указание на содержание пастырской проповеди, в которой необходимо было обратить внимание мирян на следующие моменты: во-первых, добросовестно выполнять возложенные на них в связи с начавшейся войной новые обязанности («по царскому зову охотно и бодро идти на защиту Отечества всеми способами и мерами, какими кому предназначено и указано»); во-вторых, актуализировать героическую традицию отечественной военной истории («не щадя, по примеру славных своих предков, своих сил»), в том числе указав на потенциальную роль исторической памяти как средства для передачи потомству дурной славы по поводу нечестивых деяний «ленивых, своекорыстных и предателей»; в-третьих, утвердить прихожан в убеждении, что тем из них, «кои принесут свое достояние и свою жизнь на алтарь Отечества, уготована вечная слава в роды родов» [Распоряжение Святейшего Синода «О Высочайшем манифесте о войне с Германией» от 20 июля 1914 г., 1914, с. 519–520].

Ориентируясь на общие установки, заданные священноначалием, приходское духовенство варьировало содержание отдельных проповедей в зависимости от целевой аудитории, будь то гражданские лица, остававшиеся в тылу, либо военнослужащие, отправлявшиеся на театр военных действий. Здесь мы предпримем по-

пытку тематического рассмотрения публицистической проповеди, обращенной к последней категории слушателей в течение июля–ноября 1914 г. Выбор этого периода связан с тем, что именно тогда происходило определение содержания внебогослужебной деятельности Русской православной церкви в условиях начавшейся войны. Составной частью ее являлось создание церковными деятелями соответствующих публицистических произведений, и прежде всего проповедей.

Центральным эпизодом практически каждой проповеди было объяснение причин Первой мировой войны, а также необходимости вступления в нее Российской империи. Как было заявлено с катехизической простотой в одной из проповедей диакона В. Саввинского, опубликованной в «Астраханских епархиальных ведомостях»: «Для чего и зачем?» И далее был дан ответ: «Для того, чтобы защитить своих братьев по вере и крови – славян сербов от коварного их врага – Австрии, который, попирая божеские и человеческие права и законы, хочет поработить их своей властью, а может быть и уничтожить их совсем, стереть их» [Саввинский В., 1914, с. 516].

С точки зрения проповедников, Российская империя ведет оборонительную войну, поскольку ее исторической миссией является защита «своих собратий от дикого произвола врагов во имя правды Божией, во имя христианской веры, во имя человечности и братской любви» [Феодосий, 1914, с. 340]. Уникальность ситуации, в которой оказалась Россия, заключается в том, что она в свое время помогала обоим участникам конфликта: с одной стороны, Сербии, находившейся под «тяжким игом варварского фанатизма мусульманской Турции», с другой – Австрии и Германии, предоставив им возможность «объединить свои народы под скипетром монархов». То есть Россия, по мысли проповедников, была вправе ожидать благодарности от немецкого и австрийского государей. Однако, вопреки этому и несмотря на миролюбивую дипломатию Николая II, враги «дерзко обнажили свой меч против нас» [Феодосий, 1914, с. 340–341].

В духовном плане источником войны в проповедях называется «сатанинская гордыня врага», страшные проявления которой

подлежат не только пресечению военными средствами, но и напрямую подпадают по юрисдикцию Божьего суда: «На начинающего Бог!» [Феодосий, 1914, с. 341].

Используя различные эпитеты, проповедники раскрывали сакральный смысл вооруженной защиты Отечества. Военная служба в условиях войны рассматривается как «великая святая миссия», а воины являются «как бы видимыми ангелами-хранителями своего обожаемого Великого Царя, Святой Православной Церкви, своего доблестного Отечества», поскольку выступают на защиту не только своих родных и близких, но даже незнакомых людей – «всей земли Русской» [Феодосий, 1914, с. 341]. Вместе с солдатами на войну – «этот суд народов» – идут «Господь – Спаситель мира», Пресвятая Богородица – «Владычица мира», и вместе с ней ангелы и все святые. Это должно было утвердить солдат в мысли, что «увидят то враги ужаснутся, увидят, что “с нами Бог!”» [Диаталович Н., 1914, с. 254].

В проповедях военного времени большое внимание уделялось толкованию понятия «христоролюбивое (любимое Христом. – К.К.) воинство», в ряды которого вступали мобилизованные. Так, например, священник А. Гордеев в поучении, опубликованном в тех же «Астраханских епархиальных ведомостях», так объяснял особое отношение Спасителя к воинству: «Воинское звание приятно и угодно Богу. Есть воинство не только на земле, но и на небе, к каковому воинству принадлежат ангелы Божии во главе с Архистратигом Михаилом, всегда изображаемым св. Церковью на иконах с огненным мечом» [Гордеев А., 1914, с. 673–674].

В качестве примера христоролюбивых воинов приводились христианские святые, как-то: священномученик Корнилий Сотник, святой мученик Иоанн Воин, святой великомученик Дмитрий Солунский, святой великомученик Георгий Победоносец, святой равноапостольный Константин Великий, святые благоверные князья Андрей Боголюбский и Александр Невский, земная деятельность которых была связана с военной службой. Эти святые, равно как и многие другие, «предстоя перед престолом Божиим, молятся об избавлении нас грешных от врагов внутренних и внешних» [Гордеев А., 1914, с. 673–674].

Возможным исходом участия военнослужащих в боевых действиях была гибель, или, языком проповеди, «мученическая кончина». Ключевым пунктом рассуждений на этот счет был евангельский завет «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 13,15), согласно которому высшим проявлением христианской любви следует считать самопожертвование [Толковая Библия..., 2008, с. 1167]. Исходя из этого, воин, погибший на поле брани, «принесет великую святую и драгоценную жертву в очах Божиих» и «такому герою-страстотерпцу, по верованию нашей православной Церкви, уготован на небеси нетленный венец мученический, подобно прочим мученикам и исповедникам за веру Христову» [Саввинский В., 1914, с. 517]. Важным моментом здесь является конкретизация святости воинского подвига указанием на чин, в котором осуществляется канонизация, – страстотерпец – праведник, погибший от рук убийцы, причем, возможно, не только иноверца, но и своих же единоверцев и даже близких людей. Исповеднический подвиг предполагает несение страданий за проповедь христианства, а мученичество – дар христианской кончины. Особый характер подвига страстотерпцев заключается в незлобии и непротивлении врагам. На первый взгляд подобная трактовка христианской кончины война может показаться странной в связи с упомянутой выше основной функцией публицистической проповеди. Однако, на наш взгляд, это связано с двумя обстоятельствами: во-первых, в сознании православного русского человека XIX–XX вв., включенного в систему религиозного образования, чины святых были очевидными катехизическими началами; во-вторых, это напрямую указывало на духовное состояние жертвенности мобилизованных.

Непременной частью проповеди также являлось установление преемственности между уходящими на фронт призывниками и героями отечественной военной истории: «Поможет Господь одолеть врага, как неоднократно помогал нашим предкам» [Гордеев А., 1914, с. 674]. Слушателям предлагалось вспомнить святых Андрея Боголюбского, Александра Невского, Дмитрия Донского. Из российских царей вспоминали Александра I и Александра II, в связи с Отечественной войной 1812 г. и войной за освобожде-

ние балканских народов от турецкого ига 1877–1878 гг., соответственно.

Наряду с общепринятыми героями российского военного пантеона А.В. Суворовым и М.И. Кутузовым, в отдельных случаях встречались новые фамилии, связанные с историей отдельной войсковой части или целого сословия. Так, например, в прощальном слове солдатам 1 Сибирского полка, принимавшего участие в Русско-японской войне, автор «Владивостокских епархиальных ведомостей» священник Н. Диаталович сказал: «...пусть никто не скажет про вас, что вы не потомки бесстрашных скифов, отважных славян, грозных россиян, победителей Наполеона: пусть никто не усомнится, что Кутузов, Скобелев, Кондратенко, Макаров – наши предки» [Диаталович Н., 1914, с. 253–254]. Не случайным представляется упоминание здесь героев этой войны: генерал-лейтенанта Р.И. Кондратенко и вице-адмирала С.О. Макарова, светлый образ которых должен был вдохновить бойцов-дальневосточников на подвиги.

Применительно к донскому казачеству подобными героями являлись полководец Отечественной войны 1812 г. атаман М.И. Платов и участник Кавказских войн первой половины XIX в. генерал Я.П. Бакланов. В этой связи мы хотели бы привести характерное высказывание священника С. Широкова, проповеди которого публиковались в «Донских епархиальных ведомостях»: «Под сенью двуглавого орла, эмблемы царственного могущества, зоркости и быстроты, искони покоится трон наших Государей. Над этим орлом, как бы одухотворяя его и оберегая Царский престол и восседающих на нем, витает дух всех доблестных русских героев, покрывших себя бессмертной воинской славой. Тут и дух генералиссимуса Суворова и графа Кутузова; тут дух графа Платова и генерала Бакланова, наших главных сынов Дона <...> Вы – плоть от плоти ваших предков, летавших в боях с незабвенными Платовым, Баклановым... Вы – орлята тех славных орлов...» [Широков С., 1914, с. 1149].

Особое внимание в проповедях обращалось на молитвенный опыт военнослужащих как условие спасения в духовном и физическом плане: «Защищая Отечество, войны должны полагаться не

на одну свою физическую силу, но главное – на духовное оружие: веру, надежду, любовь и молитву» [Гордеев А., 1914, с. 673–674]. В качестве наиболее яркого примера приводилась биография генерал-адъютанта Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена, участника многих военных кампаний первой половины – середины XIX в., который отличался глубокой религиозностью и выдающейся храбростью. В моменты смертельной опасности генерал читал псалом Давида «Живый в помощи высших...» и ни в одном из почти ста сражений не был ранен или контужен [Троицкий С., 1914, с. 1060].

Кроме того, зачастую давались практические рекомендации по структуре воинской молитвы. Задаваясь вопросом: «О чем следует молиться воину?», проповедники тут же отвечали на него: «О том, чтобы Господь помог ему честно и грозно совершить предстоящее дело, исполнил сердце его мужеством, даровал силы душевные, подкрепил силы телесные, не допустил до малодушия, сохранил жизнь и здоровье среди сени смертной» [Троицкий С., 1914, с. 1058–1059]. Акцентировали внимание и на том, к кому следует обращать молитвы: «Возложите все свое упование и надежду на милость и помощь Божию, Царицы Небесной – Матери Божией и св. угодников, покровителей ваших святых храмов, при которых вы живете» [Саввинский В., 1914, с. 517]. Иногда в проповедях содержался текст специальной молитвы для воина. Так, например, в прощальное слово священника Н. Диаталовича, опубликованное во «Владивостокских епархиальных ведомостях», был включен текст такой молитвы: «Отче наш! Да будет воля твоя! Если судил Ты нам помереть, то умрем, ибо куда сокроемся мы от десницы твоей? В руце Твои продаем дух наш... От тебя сей дух получили и Тебе возвращаем; если Ты судил нам с поля брани живыми возвратиться, то возвратимся, ибо кто может волю Твою...» [Диаталович Н., 1914, с. 254].

В общем массиве опубликованных на страницах «Епархиальных ведомостей» проповедей обращают на себя внимание уникальные образцы текстов, ориентированных на отдельные сословные группы, а именно крестьянство и казачество.

Обращение в проповедях к крестьянам было связано с тем, что мобилизация на войну началась в разгар летних полевых работ.

Это обстоятельство было особенно тягостным для призывников из крестьян, так как, не завершив летнего цикла полевых работ, они фактически обрекали свои семьи на голод в следующем году. Эта трагическая ситуация обратила на себя самое пристальное внимание со стороны приходских священников: «Весть о мобилизации явилась для всех полной неожиданностью. Все были заняты уборкой урожая хлебов, ни о какой военной тревоге не помышляя...» [Полторакин И., 1914, с. 1102]. В данном контексте тема незавершенных сельскохозяйственных работ рассматривалась как еще одна составляющая жертвенного подвига мобилизованных: «Забыв на это время нас, старых отца и мать, жен молодых, малых детей и неубранные поля, вы и тут являетесь достойными учениками Христа, Который порицает того, “кто любит больше Его отца, или мать, или жену, или детей, или поля”» [Широков С., 1914, с. 1150–1151]

В проповеди, предназначенной для донских казаков, было акцентировано внимание слушателей как на цель их воинской службы, так и на характер службы. Так, священник И. Полторакин, обращаясь к призываемым на действительную службу казакам с проповедью, опубликованной затем в «Донских епархиальных ведомостях», сказал: «Быть может, укажут вам идти на защиту единоверных и единоплеменных братьев наших сербов от грубого и дерзкого произвола и насилия Австро-Венгрии, а может быть придется нести внутреннюю службу. Но где бы ни пришлось вам служить, с полным смирением и покорностью примите этот призыв помазанника Божия...» [Полторакин И., 1914, с. 1102–1103]. На наш взгляд, это было связано с практикой привлечения казачьих подразделений к выполнению полицейских функций во время первой русской революции 1905–1907 гг., что вызывало негодование донского казачества. Пастырское назидание касалось подобной возможности во время начавшейся войны, когда казачьи части, находившиеся в тылу (и несущие, соответственно, внутреннюю службу, в отличие от участвовавших в боевых действиях или несущих полевую службу), могли быть использованы для поддержания порядка в стране.

В целом, рассматривая проповеди, опубликованные в провинциальных «Епархиальных ведомостях» в первые месяцы вой-

ны, можно заключить, что приходское духовенство, руководствуясь установками Синода, создало замечательные памятники гомилетики. В них была ярко выражена точка зрения Святейшего Синода на события, связанные с началом Первой мировой войны и вступлением в нее Российской империи. Публикация текстов проповедей в «Епархиальных ведомостях» делала их образцовыми для других священников, которым еще предстояло говорить прощальные слова своим прихожанам. Кроме того, хотелось бы отметить, что факт постоянной публикации текстов этих проповедей, которые были изначально предназначены для малообразованных слоев населения, свидетельствует о том, что они были также востребованы широкими кругами провинциальной воцерковленной интеллигенции. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет говорить о высокой культурной и интеллектуальной ценности данных произведений церковной публицистики.

Литература

Гордеев А., *свящ.* Поучение, сказанное запасным нижним чином в с. Тамбовке при отправлении их на действительную военную службу // Астраханские епархиальные ведомости. 1914. № 27. С. 672–675.

Диаталович Н., *свящ.* Прощальное слово 1 Сибирскому полку перед выступлением на войну // Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. № 18. С. 253–254.

Певницкий В.Ф. Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1906. 296 с.

Полторакин И., *свящ.* Проводы из станицы Калитвенской казаков 2 и 3 очереди, призываемых на действительную службу по случаю войны Сербов с Австро-Венгрией // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 1102–1105.

Распоряжение Святейшего Синода «О Высочайшем манифесте о войне с Германией» от 20 июля 1914 г. // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 517–520.

Саввинский В., *диакон.* Речь по совершении молебствия, перед возглашением многолетия, по случаю объявленной мобилизации, к запасным

нижним чинам в г. Енотаевске, на дворе казарм, 20 июля сего 1914 г. // Астраханские епархиальные ведомости. 1914. № 21. С. 516–520.

Толковая Библия, или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Под. ред. А.П. Лопухина. М.: ДАРЪ, 2008. Т. 1. 1232 с.

Троицкий С., прот. Как православный русский воин должен готовиться к бою // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 22. С. 1058–1060; *Феодосий, иером.* Речь, сказанная пред напутственным молебствием в уроч. Славянке при отправлении на театр военных действий 3 и 4 батальонов 8 Сибирского стрелкового полка и 7, 8 батарей 2 Сибирской артиллерийской бригады 24 августа 1914 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. № 21. С. 340–342.

Широков С., священник. Пастырское слово христоробивому казачьему воинству // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 24. С. 1149–1151.

Участие Тульской епархии в событиях Первой мировой войны

*Анализ «Тульских епархиальных ведомостей»
как исторического источника*

Одним из самых трагических событий в истории России является Первая мировая война 1914–1918 гг. Война стала испытанием, в котором проверялась не только сила духа и патриотизм русского народа, не только уровень военной организации в стране, но и умение высших руководителей страны организовать защиту государства, а также ее внутреннюю жизнь. Военные события оказали влияние на деятельность всех государственных институтов, общественных организаций, в том числе и на деятельность Русской православной церкви.

В комплексе источников о событиях Первой мировой войны важнейшую группу составляют материалы периодической печати, церковная и светская публицистика. Они свидетельствуют о всеобщем патриотическом подъеме общества в начале войны, содержат конкретные примеры героических подвигов русских воинов, а также священнослужителей на полях боев. Такие материалы содержатся в следующих периодических изданиях: журналах «Богословский вестник», «Православное обозрение», «Церковный вестник», «Церковные ведомости», «Христианское чтение», «Православно-русское слово», «Русский вестник», «Русский труд»; газетах «Колокол», «Московские ведомости», «Новое время», «Русское слово», «Слово», а также в местных периодических изданиях – «Епархиальных ведомостях».

Важнейшим источником для реконструкции приходской жизни в Тульской епархии являются «Тульские епархиальные ведомости», на страницах которых публиковались официальные материалы, т. е. высочайшие указы, определения и постановления Святейшего Синода, распоряжения епархиального архиерея,